

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Научная статья

УДК 130.3

DOI: 10.46724/NOOS.2024.3.18-26

В. О. Волкова, И. Е. Волков

МЕТАФОРИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ПОНИМАНИЯ СОЗНАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению одной из величайших метафор современности — метафоре сознания. Сознание невозможно объяснить или описать, так как известные концепции уподобляют сознание конкретному предмету — сознание как знание, сознание как внимание, сознание как самосознание. В обычной практике исследования упускается из виду возможность рассмотреть сознание в его неопределенности, двойственности, незавершенности. Метафоризация рассматривается как процесс исследования через понимание сознания и его присутствие в универсальном опыте разделенности, неопределенности и семиотизации. Утверждается, что метафоризация — это первичный опыт семиотизации в когнитивной практике. Под когнитивной практикой понимается отношение субъекта к объекту исследования с позиции онтологии и эпистемологии мысленного эксперимента сознания с понимающим воображением, обработкой информации, систематизацией, сохраняющей базовые формы феноменологического познания. Метафора является структурой понимания, так как в диалектической интерпретации она представляет собой аналог мышления, речи и интеллектуального действия субъекта, выраженный в идеальной форме. Метафора — это источник творчества и форма изучения сознания. Метафоризация как процедура связи сознания и психики применяется в социальной, психологической и образовательных сферах. Метафора как инструмент семантической двойственности может раскрыть неограниченное количество связей между объектами, субъектами, культурой и историей.

Ключевые слова: метафора, образ, понимание, когнитивная практика, феноменология, творчество

Ссылка для цитирования: Волкова В. О., Волков И. Е. Метафоризация как способ понимания сознания // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 18—26.

Original article

V. O. Volkova, I. E. Volkov

METAPHORIZATION AS A WAY TO UNDERSTAND CONSCIOUSNESS

Abstract. The article is devoted to the consideration of one of the greatest metaphors of our time — the metaphor of consciousness. Consciousness cannot be explained or described, since known concepts liken consciousness to a specific object — consciousness as knowledge, consciousness as attention, consciousness as self-awareness. In the usual practice of research, the opportunity to consider consciousness in its uncertainty, duality, and incompleteness is overlooked. Metaphorization is seen as a process of exploration through understanding consciousness as it is present in the universal experience of separation, uncertainty and semiotization. It is argued that metaphorization is the primary experience of semiotization in cognitive practice. Cognitive practice is understood as the relationship of the subject to the object of

© Волкова В. О., Волков И. Е., 2024

• Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 18—26

study from the position of ontology and epistemology of the thought experiment of consciousness with understanding imagination, information processing, systematization, preserving the basic forms of phenomenological cognition. Metaphor is a structure of understanding, since in the dialectical interpretation it is an analogue of the thinking, speech and intellectual action of the subject, expressed in an ideal form. Metaphor is a source of creativity and a form of exploration of consciousness. Metaphorization as a procedure for connecting consciousness and psyche is used in the social, psychological and educational spheres. Metaphor as a tool of semantic duality can reveal an unlimited number of connections between objects, subjects, culture and history.

Keywords: metaphor, image, understanding, cognitive practice, phenomenology, creativity

Citation Link: Volkova V. O., Volkov I. E. (2024) Metaphorization as a way to understanding consciousness, *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 18—26.

Интерес к метафоре объединяет как философов, так и литературоведов, лингвистов, а также писателей, поэтов, деятелей кино и театра. В цифровой век вокруг изучения метафоры объединяются психологи, психоаналитики, семиотики, логики, программисты. Метафора служит одним из источников творчества, так как для ее применения на практике необходимо творческое воображение. В когнитивных науках метафора участвует в изучении разных сторон человеческого сознания. Возникает представление о когнитивной практике как дисциплине ума, связывающей между собой такие когнитивные структуры, как восприятие, мышление, язык, память, действие, но проникающие в исторические парадигмы и социокультурную реальность для поиска достоверности трансформирующего на глазах бытия человека и его разума. Источником понимания когнитивной практики является диалектическая интерпретация термина «практика». Он представляет собой операциональный аналог структур мышления, речи, интеллектуального действия субъекта, выраженный в идеальной форме. В эпистемологии идеальная форма практики присутствует в исследовании знания, понимания и мысленного экспериментирования как когнитивных способностях субъекта и его творчества в повседневной жизни и социальной коммуникации.

Метафора в изучении сознания может служить оперативным методологическим инструментом изучения связей сознания и психики, применимых в социальной, психологической, образовательной сферах. На основе семантической двойственности метафоры можно раскрыть неограниченное количество связей между объектами, субъектами, культурой и историей.

Метафорическое сознание. Метафора является неотделимой частью выраженного сознания, употребляется в разговоре для усиления смысла или его сокрытия в блуждании речи. Философское значение метафоры как феномена интеллектуального творчества не раскрыто. Поэтому исходной позицией исследования метафоризации является сознание.

В концепции В. А. Лекторского сознание представляет собой «состояние психической жизни индивида», выражающееся в «субъективной переживаемости» [Лекторский, 2009: 885] событий внутренней и внешней жизни человека и отчете об этих событиях. Категория «состояние» мало описана в научной литературе, но именно «состояние сознания» позволяет подойти к изучению метафоризации как явления когнитивной практики.

Одним из направлений исследования сознания В. А. Лекторский называет феноменологию. Таким образом, состояние психической жизни может быть понято с двух сторон: со стороны психологии и феноменологии. Э. Гуссерль, основатель феноменологии, первый тип состояния относит к психологическим фактам: «устремление внимания на непосредственное переживание». В отношении Я это состояние воспринимается в данную минуту времени и подлежит апперцепции: воспринимается само восприятие, данное в апперцепции в хронологически выверенном порядке. В этом случае субъективная переживаемость состояний отличается от события сознания, которым, по существу, является состояние сознания.

Второй тип состояний, по Э. Гуссерлю, возникает как постижение «самоданного», которому надо развиваться в «гераклитовом потоке феноменов» [Гуссерль, 1992: 143—145]. Один феномен вытекает из другого или вливается в другой. Если мы трансрационально перенесем экскурс из одной концепции в другую, то таким феноменом может стать «слово» и его значение. Ассоциация значения со словом служит основанием метафоризации. В дальнейшем от прямого ассоциирования мы переходим в область философии сознания и воспринимаем *метафору как событие сознания*.

Внутри гуманитарной науки становится все более явной тенденция к сближению когнитивной науки и науки о жизни с феноменологией Э. Гуссерля. Феноменология акцентирует внимание на исследовании опыта сознания, смыслов и субъективного восприятия времени, пространства, существования. Окружающий человека мир рассматривается как создаваемый им самим мир знаков, символов, воображаемой реальности, интерактивно проявляемый в познании в соответствии с телесной природой человека и его комплексной организацией.

В. И. Молчанов рассматривает сознание в «многообразии различений... предпочтений... и идентификации различенного» [Молчанов, 2009: 887]. Он приходит к выводу, что сознание как первичный опыт отношения к миру создает различения, а способность различать определяет способность направлять внимание, «т.е. выделять и отдавать устойчивое предпочтение тому или иному различенному, а также предвосхищать, предвидеть и прогнозировать то, что может стать различенным, выделяя устойчивые переходы от определенных различений к определенным идентификациям как устойчивые тенденции» [там же: 891].

Отнесение сознания к первичному опыту и его различениям, например различениям ментального и телесного, говорит о главенствовании формы над многими сторонами первичного опыта. Феномен «формы» в транскрипции учения Платона мыслится как «идея». Но идею Платон «начинает мыслить не в изолированном виде, но как образец для реальных вещей и существ, которые он сам называет таким термином («парадигма»). Этот термин по-русски и нельзя перевести иначе, как «модель». Но и материя перестает быть пассивным принципом и пустотой, такой как античный меон, а становится «активной и организующей силой». Так в соединении идеи и материи формируется «порождающая модель» [Лосев, 1994: 661].

Следуя канонам эстетической классики, метафора включает в себя не только перенос значений с одного предмета на другой, но и обретает скрытый смысл «порождающей модели», т. е. развертывания трансрационально переносимого смысла из одной сферы мысли в другую сферу. Проблема трансдисци-

плинарных стратегий исследований стала актуальной в последние десятилетия. Дисциплина в античном значении порядка всегда рационально организована, а трансрациональность углубляет ее потенциальное значение. Трансдисциплинарность «характеризует такие исследования, которые идут *через, сквозь* границы многих дисциплин, выходят за *пределы* конкретных дисциплин, что следует из смысла самой приставки “транс”» [Князева, 2011: 193—194]. Метафора как порождающая модель может развиваться в устойчивых переходах различных смыслов, сохраняя в себе возможности моделирования, прогнозирования и выделения устойчивых тенденций в разных областях гуманитарных наук.

Метафора порождает смысл и при этом сохраняет форму (модель), поэтому основным противоречием, развертывающимся в разных областях знания, является *противоречие формы и смысла*. Либо осмысленность и сознание главенствует над формой, используя ее как инструмент когнитивной практики, либо побеждает форма, увлекая сознание в лабиринты фантазии и иллюзий. При этом форма оказывается сильнее смысла. Особой формой сознания становится *метафорическое сознание* как неопределенный, двойственный и нелокализуемый объект.

Сознание невозможно объяснить или описать как факт в ряду фактов естественных наук. Оно адресовано событиям жизни и экзистенциальным ситуациям, в которые попадает человек. Никто не может с уверенностью сказать о том, осознает ли человек экзистенциальные ситуации или нет. Поэтому ситуации, в которые попадает человек, могут быть отнесены к бессознательному, даже выражаемому в языке как бесконечный набор бессмысленности, имеющей форму изречения.

Согласно гипотезе Сепир-Уорфа, язык — это материал для интерпретации сознания, но интерпретация — это отдельная область понимания и создания самоинтерпретируемого образа, которому свойственна демонстрация осознанности в особой форме перенесения значения с одного предметного образа на другой. Даже если этот образ выражен словом, порождающим следующее значение и следующий образ. От того, что и как говорит человек, не осознаваемый им, но, высказанный образ, может быть понятен слушающему. Так метафора преодолевает язык и уходит напрямую в область понимания.

Метафора не вычленяет абстрактных признаков предмета, а оформляет смысловой образ предметной сущности, который воздействует на сознание и порождает режим интерпретации сознанием самого себя, подает себя как «событие мысли». Событийность мысли придает ее двуплановая, выразительная и символическая организация. Это означает, что слово и его предметная сущность выражают друг друга вне зависимости от осознанного понимания, а также то, что в них заложена суггестивная полнота их взаимного обращения. Так, художник, выражающий на полотне свои мысли, оказывает воздействие на зрителя, который часто не может выразить словами, *что же* оказало на него иногда предельно сильное воздействие. Возникает интуитивный опыт семиотизации — наблюдаемый знак становится стимулом для самоинтерпретации. Получается не просто эффект наблюдения, но возникает «коммуникативное измерение» [Касавин, 2013: 46] знака как некоторый пролонгированный опыт его исследования как знания. Именно с этим эффектом связаны сближение науки и искусства, научные шоу и прочие демонстрации инноваций.

Коммуникативное измерение знака и знания может быть рассмотрено как метафорическое представление, порождающее конкретные аналоги в неограниченном диапазоне понимания от самоинтерпретации действий сознания человеком до историко-культурных инноваций, например, в философии постмодерна.

Истоки самоинтерпретации, т. е. понимания сознания самим человеком, восходят опять-таки к Платону. Он первым увидел, что подлинная реальность ускользает от человека и он вынужден ее удерживать в каких-либо формах и потому искажать как непроверяемую опытом. Но она все равно присутствует в «идеях» как носителях совершенных форм и таковых же совершенных мысленных событий. Однако «схема», «морфе», «идея» и «образ», как утверждает А. Ф. Лосев, «вполне точно можно было бы переводить по-русски термином “символ”». Конечно, под этим символом не стоит понимать «аллегория или басню», но «такое совмещение внутренней и внешней смысловой области, когда внутреннее выражает себя целиком во внешнем, а внешнее оказывается всецелым выражением внутреннего» [Лосев, 1994: 548—549]. Применительно к метафоризации как порождающей смысл модели можно сказать, что двупланность, двойственность, перенос значения, интерпретация и суггестивные возможности воздействия словом являются показателями современной «осмысленности», поступающей в сознание информации.

Метафоризация сознания или осознание метафоры. В таких терминах, как «филология», «философия» заключена метафора. В переводе с греческого *φιλολογία* — это «любовь к слову (логосу)». В научном обиходе с этим термином связывают не inferнальные чувства любви, а совокупность научного знания. Значит, сознание имеет в себе ресурс ассоциирования или переноса значений с одного слова на другой вне зависимости от формы представленности. Более того, эта метафоризация закрепляется исторически и культурно как неотделимая часть сознания. Она не разводит в разные стороны разные предметы, а воздействует на сознание различением внутри одного предмета.

Х. Ортега-и-Гассет обращает внимание на понятие «глубина души». Каждый человек понимает, что этот дискурс касается не жидкости, указывающей на глубину наполнения в области грудной клетки. Когда «мы утверждаем, что у души есть “дно”, мы относим это слово сначала к дну какого-нибудь сосуда, например, бочки, потом как бы “очищаем” это значение от указания на физические параметры и относим его к психике» [Ортега-и-Гассет, 1990: 71]. Но при этом работа сознания происходит «внутри» метафоры «глубина души». Различение не противопоставляется логическому тождеству, а переносится в смысловую ткань сознания. Метафора осознается как целое, находящееся внутри целого нашего мышления как платоновская «идея» и одновременно очевидное различение (отличие) предмета от самого себя.

Для метафоризации как особой операции сознания необходимо осознание двойственности и использование предмета исследования в переносном смысле. Так, Г. Н. Гумницкий в статье «Вера в свете разума» подчеркивает, что состояние религиозного сознания имеет свою почву — незнание. Именно на этой почве вырастают «причудливые, не от мира сего» сущности, которые созданы из материала знаний (ибо никакого другого материала нет и быть не может)» [Гумницкий, 2006]. В познании так же, как в жизни и в ее представленности в религии, мир двойственен, метафоричен. Есть действительность, в которой мы суще-

ствуем, а есть мир сущностей, «якобы населяющих некий иной, высший уровень бытия, познать который может только особый, высший разум» [там же].

Таким образом, мы постоянно имеем дело с миром незнания, напоминающим нам об онтологии бытия, в которой действуют метафоры как указатели и обозначатели нашего сознания. Статья Г. С. Смирнова о Г. Н. Гумницком называется «Мудрость философа: тихая глобальность провинции» [Смирнов, 2014: 103—105], что уже содержит метафору. Мудрость философа — сложный синтетический объект, который невозможно ощутить органами чувств, его трудно даже помыслить. Однако, как пишет Х. Ортега-и-Гассет, метафора не только средство выражения. Она необходима «нам самим, чтобы объект стал доступен нашей мысли» [Ортега-и-Гассет, 1990: 71]. Статья Г. С. Смирнова не только представляет работу философа. Автор указывает на предмет — «тихая глобализация провинции», открывающий бесконечные «сущности» мысленного экспериментирования над судьбой философии и философов. Мы имеем важный инструмент мышления в метафоре. Метафоризация является нам как возможность осознать то, что мы не могли бы осознать иным путем.

Метафора — это инструмент мысленного экспериментирования с различными объектами, выраженными словом. В ее состав входит «априорное» стремление сознания к изменениям. Предметы должны указывать сознанию на различия, т. е. должны преобразовываться в сознании в форме показывающих самих себя феноменов. Неслучайно феноменологическая идея сочетает в себе познание и сознание, а также бытие в действиях с объектами познания. Как говорит Х. Ортега-и-Гассет, очищение объекта от бесконечного числа не нужных в данный момент значений создает иную форму доступности сознанию и порождает новые сочетания формы и смысла.

Феноменологическая редукция есть конструирование восприятия как «настоящего» в сознании. В. Н. Филатов означает состояние, подобное редукции феноменолога, как «мысленный эксперимент» [Филатов, 2016]. В отличие от естественнонаучного эксперимента такой эксперимент опирается на воображение и фантазию, конструирует «с помощью пера и бумаги» в «уме» новое знание о реальности. Открытие теории относительности А. Эйнштейна связано с метафорой «лифта». Физик определил с помощью этой метафоры новые представления о пространстве и времени.

Метафора как реальность. Метафора заявляет себя как «темпоральная структура» [Амелин, 1994: 267—268], способная управлять временем понимания предмета и его осознания.

Язык как философская категория относится к неконтролируемой сфере сознания. Высказываться не означает осознать высказываемое. Сознание может быть понято в языке и через язык как состояние. Особенностью этой интерпретирующей коммуникации является соотнесение состояний понимания через изображение не фиксируемых материально планов и умозрительных конструкций. Они даются как точки/события участников диалога. При этом диалог может касаться любых сфер человеческой жизни. Футурологи говорят, что нам не избежать диалога с инопланетными цивилизациями. Метафора может неосознанно выдавать отношение к предмету на языке высокой абстракции, т. е. схваченного смысла. Тогда диалог с инопланетянами как *мета-форма* будет полон смысла.

В словах, текстах, движениях возникает самостоятельная реальность, взаимодействующая с другими: мысленным (воображаемым) оформлением сцены,

сюжетом, сценарием. Эти конструкции или способы организации осознанного понимания позволяют соединять в единое целое вещественные и невещественные (например, эмоции) конструкции высказываний. Язык метафоры может выдавать желаемое за действительное. Так, например, метафора «цифровая культура» может вообще не содержать обобщений человеческого интеллекта и, тем более, не способствовать его культурному развитию.

Метафора упорядочивает чувства, значения и смысл в том случае, если такой порядок попадет в зону целеполагания. Цель — это тоже форма, зависящая от ее наполнения человеческим смыслом. Но если цели нет или она слишком запакована, то и феномен, например, цифровая культура, может оказаться без смысла.

Реальность метафоризации распаковывает образ как порядок снятия запретов с изображений, которые становятся суггестивными. Метафора, улавливая сюжет высказывания (экранного, учебного или дружеского), изображает событие жизни как оно есть. Событие жизни — единица переходов чувства в значения и смыслы. Оно может выражаться бессловесно, но воздействовать своим прямым попаданием. Любое событие жизни — это метафора.

Современная эпистемологическая ситуация связана с изменением представлений о знании. Знание понимается по-разному в зависимости от трактовок бытия. XXI век принес смятение в понятие разумности и понимание бытия, зависящего от разума. Уход от натурализма в область языка, знака, значения, символа привел к смене интеллектуального инструментария. Представления, прежде казавшиеся вымыслом, теперь осознаются как знаки новой культуры. Они являются выразителями субъективных переживаний безотносительно к сознанию. Расширяются возможности понимания событий жизни. Это понимание уже не затрагивает сознание. Например, рекламный жест не воспринимается как чуждый. Он через расширение внушений становится событием в жизни человека.

Переживание получает знаковый характер, порождает картины и визуализации значений слов, утверждений, движений. Любое движение в организме (эмоции, артикуляция, мимика) может служить материалом переживания, обрести знаковое выражение. Оно может уточниться и оформиться в коммуникации в качестве естественного персонажа игры сознания.

Появление фигурных синтезов [Кант, 2018: 153] — это знаковый материал психики. Возникает дискурс выразительных форм сознания. Силу обретает воображаемый мир как вид опыта межличностной коммуникации. Даже если личности не знакомы между собой. В обществе распространилось явление «фанатов», «блогеров», «геймеров». Явление создает свой воображаемый мир, далекий от осознанности и поэтому существующий как преобладание формы над смыслом.

Каждое явление такой коммуникации показывает, как сознание испытывает себя чувственностью. Эффект этого испытания отражается в новой и несуществующей в действительности модели жизни. Тогда опыт становится доступным сознанию творца и не зависит от того, существует ли он для других людей. Метафора как форма и состояние сознания раскрывается в соотношении произносимых человеком текстов и антропологического контекста опыта понимания, а также его перевода в изображение — структуру осознания своей модели жизни. Преимущества метафоры как формы знания состоят в открытии значений

средствами их переживания и сокрытия смысла средствами его изображения в создании воображаемого мира.

Вместо заключения. Используя современные тенденции когнитивной практики, можно назвать устойчивые базовые формы метафоризации как феноменологического познания.

Во-первых, это *конструирование* сознанием *возможных миров* как миров знаков, смыслов и символов. Активная сторона сознания связана с воображением и стадиями творческого процесса исследования мира как нового при возникновении метафор как мыслительных образов, готовящих сознание к неустанному эксперименту по нахождению в прошлом и созданию новых смыслов в настоящем/будущем.

Во-вторых, работа творческого воображения как состояния сознания связана с *проживанием или конструированием высоких абстракций*, не связанных с действительностью, но гарантирующих наличие человеческих ценностей, их игнорирование или экзгумацию.

В-третьих, метафора порождает визуальные картины смысла, который можно мгновенно схватить и прояснить, минуя лабиринты литературного или интеллектуального поиска.

Метафоризация сродни концептуализации продуктов человеческого воображения, так как является в переводе с латыни *conceptus* (концепцией) — зачатком, источником мгновенного схватывания смыслов с интуитивным избеганием сложной операции объяснения истоков творчества.

Основой метафоризации сознания является его творческое состояние соотнесения формы и смысла: либо смысл побеждает форму, либо форма побеждает смысл. В первом случае побеждают идеи Просвещения, во втором — Постмодернизма.

Библиографический список / References

- Амелин Г. Метафора как темпоральная структура // Логос. 1994. № 5. С. 267—268. (Amelin G. Metaphor as a temporal structure, *Logos*, 1994, no. 5, pp. 267—268. — In Russ.)
- Гуссерль Э. Идея феноменологии // Ступени. 1992. № 2 (5). С. 139—164. (Husserl E. The idea of phenomenology, *Steps*, 1992, no. 2 (5), pp. 139—164. — In Russ.)
- Гумницкий Г. Н. Вера в свете разума // Здравый смысл. 2006. № 2 (39). С. 130—138. (Gumnitsky G. N. Faith in the light of reason, *Common Sense*, 2006, no. 2 (39), pp. 130—138. — In Russ.)
- Кант И. Критика чистого разума. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2018. 768 с. (Kant I. *Critique of pure reason*, St. Petersburg, 2018, 768 p. — In Russ.)
- Касавин И. Т. Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 46—57. (Kasavin I. T. Knowledge and communication: towards contemporary discussions in analytical philosophy, *Questions of philosophy*, 2013, no. 6, pp. 46—57. — In Russ.)
- Князева Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 10 (112). С. 193—201. (Knyazeva E. N. Transdisciplinary research strategies, *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2011, no. 10 (112), pp. 193—201. — In Russ.)

- Лекторский В. А. Сознание // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. С. 885—887.
(Lektorsky V. A. Consciousness, in *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science*, Moscow, 2009, pp. 885—887. — In Russ.)
- Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: Ладомир, 1994. 716 с.
(Losev A. F. *History of ancient aesthetics. Sophists. Socrates. Plato*, Moscow, 1994, 716 p. — In Russ.)
- Молчанов В. И. Сознание // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Москва: Канон+, 2009. С. 887—891.
(Molchanov V. I. Consciousness, in *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science*, Moscow, 2009, pp. 887—891. — In Russ.)
- Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры / сост. Н. Д. Арутюнова. М.: Прогресс, 1990. С. 68—81.
(Ortega y Gasset H. Two great metaphors, in Arutyunova N. D. (ed.) *Theory of metaphor*, Moscow, 1990, pp. 68—81. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Мудрость философа: тихая глобальность провинции // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Вып. 2 (14). С. 103—105.
(Smirnov G. S. The wisdom of a philosopher: the quiet globality of the province, *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2014, iss. 2 (14), pp. 103—105. — In Russ.)
- Филатов В. П. Мысленные эксперименты и априорное познание // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49, № 3. С. 17—27.
(Filatov V. P. Thought experiments and a priori knowledge, *Epistemology and philosophy of science*, 2016, vol. 49, no. 3, pp. 17—27. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.06.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 01.06.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Волкова Вера Олеговна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры методологии, истории и философии науки, Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексева, г. Нижний Новгород, Россия, veravolkova@mail.ru

Volkova Vera Olegovna — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Methodology, History and Philosophy of Science, Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russian Federation, veravolkova@mail.ru

Волков Илья Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент кафедры методологии, истории и философии науки, Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексева, г. Нижний Новгород, Россия, volki@rambler.ru

Volkov Ilya Evgenievich — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Department of Methodology, History and Philosophy of Science, Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russian Federation, volki@rambler.ru